

«догнать» мальчиков по эффективности взаимодействия фонологической системы с грамотностью и по количеству ошибок.

Во время проведения эксперимента создавались искусственные условия, затруднявшие взаимодействие фонологической системы с порождением письменных форм речи учащихся, благодаря чему удалось выявить устойчивость фонологической системы учащихся. Однако возможно влияние естественных факторов, затрудняющих функционирование фонологической системы школьников. Фактор переходного возраста в определенной мере деформирует взаимодействие фонологической системы с грамотностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богомазов Г.М. Возрастная фонология. (Двухуровневая фонологическая система и ее роль в формировании чутья языка и грамотности учащихся 1-6 классов) – М., 2005. – С. 80.
2. Богомазов Г.М. Указ. раб. – С. 261.
3. Гребенкова Ю.М. Устойчивость фонологической

системы у учеников 5 класса. // Актуальные вопросы филологии и проблемы столичного образования. – М., 2007. – С. 14.

4. Богомазов Г.М. Указ. раб. – С. 68.

Y. Grebenkova

GENDER ASPECT IN THE STATE OF BIMODAL PHONOLOGIC SYSTEM FOR THE PUPILS OF THE MIDDLE SCHOOL

Abstract: The condition of phonologic system is characterized by three basic signs: 1) generating, 2) stability, 3) efficiency of functioning. The phonologic system functions differently at boys and girls who are native speakers of Russian. It is observed the advantage at boys before girls by efficiency of interaction of phonologic system with literacy that is reflected in quantity of errors. It speaks high level of stability of phonologic system of boys. Stability of phonologic system is a determinative for its effective functioning.

Key words: phonologic system, efficiency, literacy, mistakes, speech.

УДК 801.561

Григоренко М.Ю.

МОДУСНЫЙ СТАТУС ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В статье рассматривается эвиденциальность как категория модуса, устанавливается роль эвиденциальных показателей в семантической структуре предложения, взаимосвязь указанной категории с квалификативными модусными категориями персуазивности, авторизации и оценочности.

Ключевые слова: модус, эвиденциальность, персуазивность, авторизация, оценочность.

Антропоцентрический подход, занимающий одну из стержневых позиций в изучении языка, стал одним из ведущих направлений лингвистических исследований на рубеже XX-XXI веков. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяет его перспективы и конечные цели. Антропоцентризм ставит человека во главу угла «во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова Е.С. 1995: 212].

Говорящий человек, репродуцируя то или иное высказывание, может не указывать источника своей информации, но может, помимо основной информации, составляющей содержание высказывания, включать в состав сообщения дополнительные сведения об источниках основной информации. Эта дополнительная информация, составляющая содержание категории эвиденциальности, относится к модусной части высказывания [Храковский В.С. 2007: 603]. Соответственно эвиденциальность, представляя собой функционально-семантическую категорию, исполняющую роль указания на источник информации о передаваемом событии, является продуктивным и действенным инструментарием репрезентации человеческого фактора в языке.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопроса о модусном статусе указанной категории в русском языке, о роли эвиденциальных показателей в семантической структуре предложения.

* © Григоренко М.Ю.

В понятие «семантическая структура предложения» включаются такие понятийные сферы, как «диктум» и «модус», представляющие собой объективный и субъективный слои смысла предложения. Диктум как объективная часть смысла противопоставлена модусу как субъективной части смысла (Ш. Балли, Т.В. Шмелева, И. А. Нагорный). Таким образом, модус – это одна из двух составляющих в семантической структуре предложения. Модус является компонентом, заключающим оценку диктума в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего.

Основными модусными параметрами статусных характеристик категории эвиденциальности являются план содержания и план выражения.

План содержания эвиденциальности включает объект квалификации, квалифицирующий субъект и основания эвиденциальной квалификации события. Объектом квалификации является описываемое предложением событие, результат его осуществления в реальной действительности, т.е. объективная часть смысла предложения. Субъектом эвиденциальной квалификации выступает говорящий, автор высказывания, с позиции которого осуществляется квалификация события [Нагорный И.А. 2001: 28]. Основанием квалификации служит стремление говорящего выразить свою точку зрения на описываемое им событие посредством указания на источник информации.

План выражения категории эвиденциальности базируется на средствах и способах выражения эвиденциальной квалификации события говорящим в пределах предложения (высказывания). Выбор эвиденциальных средств, приемы их соединения в тексте обусловлены определенной авторской установкой.

Эвиденциальные показатели в высказывании выступают инструментами субъективной квалификации информации с указанием на ее источник, выразителями точки зрения квалифицирующего субъекта. Входя в семантическую структуру предложения, средства выражения эвиденциальности обогащают смысловое поле предложения субъективными характеристиками и выступают в роли семантически обязательных компонентов.

Осуществляя модусную квалификацию, с помощью средств выражения эвиденциальности говорящий преследует две цели: 1) высказать собственное видение ситуации,

2) донести точку зрения до адресата, добиться того, чтобы его поняли адекватно тому, что заложено в основу квалификации [Нагорный И.А. 2001, 30].

Рассмотрим это положение на примере: – *Сама крахмалит мне рубашки!* – с чувством, почти со слезами произнес Обломов. – *Ей-богу, так, я сам видел. За другим жена так не смотрит – ей-богу!* Славная баба Агафья Матвеевна! Эх, Андрей! *Переезжай-ко сюда с Ольгой Сергеевной, найми здесь дачу: то-то бы зажили!* (И. Гончаров. Обломов). В приведенном контексте говорящий, во-первых, выражает свою уверенность в истинности информации, делая ссылку на то, что он лично наблюдал описываемое событие посредством эвиденциального компонента *я сам видел* и включением эмоционально-оценочного элемента *ей-богу*; во-вторых, ориентирует адресата на то, что высказанная им информация должна трактоваться как объективная, достоверная. Таким образом, введение в семантическую структуру высказывания эвиденциального показателя является одним из способов автора продемонстрировать свое безразличие к происходящему.

Показатели прямой эвиденциальности, формальное ядро которой составляют перцептивные предикаты, образуют в предложении соответствующую развернутую Я-модусную рамку (*Я вижу, что..., Я слышу, что..., Я наблюдаю, как... и т.д.*) и включаются в состав перцептуальной сферы модуса. К периферии относятся описательные обороты, указывающие на прямой источник информации (*у меня (нас) на глазах, прямо перед(о) мной (нами), при мне, в моем присутствии и т.д.*) и подчеркивающие достоверность сообщаемой говорящим информации.

Показатели косвенной эвиденциальности группируются вокруг ее семантических подтипов (субкатегорий): пересказательности, инференциальности, перцептуальности. Остановимся на анализе тех из них, которые в наибольшей степени иллюстрируют принадлежность категории эвиденциальности к модусной сфере.

При передаче значения пересказательности в качестве репрезентаторов модусной сферы высказывания выступают 1) эвиденциальные частицы *мол, дескать, якобы, де*, которые предназначены для коррекции семантического поля ядерного предиката пропозиции и через него ориентированы на коррекцию общего семантического поля предложения: *Смотрит в светлые очки, Дескать, я тут*

– самый умный, Остальные – дурачки! (М. Горький. Дело Артамоновых) и 2) вводные слова и предложения *по словам, по мнению, по слухам, в соответствии с .., согласно ..., по сообщению, по сведениям, судя по...; как полагают, как говорят, как оказалось, как известно* и т.д., указывающие на косвенный источник информации и ориентированные на коррекцию семантического поля предложения в целом: *Об вас столько пишут; ваши портреты, говорят, верх совершенства.* (Н. Гоголь. Портрет). Указанные средства служат цели подчеркнуть, что сообщение, переданное говорящим, принадлежит не ему, а другому лицу или группе лиц, а также цели снять с себя ответственность за достоверность информации. При этом важно подчеркнуть, что Я-модусная рамка, образуемая эвиденциальными частицами, оказывается в большей степени свернутой по отношению к рамке, представленной вводными словами и предложениями.

При передаче значения инференциальности модусную сферу предложения образуют модальные слова и словосочетания, указывающие на выводной источник информации и функционирующие в высказывании, как правило, в качестве вводных компонентов: *наверно, кажется, может быть, по-моему, действительно, конечно, естественно, по-видимому, возможно, похоже, видимо, точно, скорее всего, по моему мнению, по всей вероятности* и т.д. Они ориентированы на коррекцию семантического поля предложения в целом и выполняют функцию указания на выводной характер информации на основании собственного восприятия ситуации говорящим, заключенного в предшествующем описании или на основании некоторых мыслительных операций автора высказывания: *Долг исполнен, жизнь пройдена с честью, трудолюбиво – вот в чем счастье! по-моему, так.* (И. Гончаров. Обыкновенная история) (вводный компонент *по-моему* служит маркером для обозначения выводного характера информации, предыдущая фраза представляет собой описание наличных признаков, на которых основывается вывод говорящего).

Эвиденциальность включается в число квалификативных модусных категорий наряду с персуазивностью, авторизацией и оценочностью, так как участвует в соотношении высказываемого с действительностью через фиксацию позиции говорящего, квалификацию им своей точки зрения.

Эвиденциальность пересекается с категорией авторизации, так как имеет с ней

общие средства выражения. Это обусловлено тем, что авторизация представляет собой модусную категорию, с помощью которой «излагаемая в предложении информация квалифицируется в отношении источников или способов ее получения» [Шмелева Т.В. 1984: 90]. Суть ее, по мнению Г.А. Золотовой, состоит в том, что «разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложении вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия». Авторизация – это квалификация информации с точки зрения источников ее сообщения. Она проявляется в оппозиции «свое/чужое». Это значит, что источником информации является или сам говорящий («свое»), или кто-то другой, не говорящий («чужое»). Средства авторизации, указания на субъект варьируются от предложно-падежной формы имени (*для него, по его мнению*) до двусоставной глагольно-именной модели (*я вижу, мы наблюдаем, он считает*), либо ее «обезличенных» вариантов, с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, считается* и т. п.) [Золотова Г.А. 1973: 263-264]. Таким образом, средства выражения авторизации становятся также средствами, репрезентирующими семантику эвиденциальности в высказывании, включая все ее семантические подтипы (прямая эвиденциальность и косвенная эвиденциальность).

Рассмотрим взаимодействие категорий эвиденциальности и авторизации на некоторых примерах.

Ища глазами свободного места на этом конце стола – ближе к двери, которой вошел сюда, я видел много еще не занятых мест, но скорее дал бы отрубить руку, чем сел сам, боясь оказаться вдали от знакомых лиц. (А. Грин. Золотая цепь). Авторизирующая модель с глаголом зрительного восприятия выражает семантику прямой эвиденциальности, подчеркивает «авторство» высказывания. *Он побирался, болел, голодал, ютился за полтинник в месяц в углу у торговки из “обжорного ряда” и, по мнению ее, мог отлично поправить свои обстоятельства продажей наследства* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева). К авторизируемой модели присоединяется указание на «автора», выраженное в форме предложно-падежной конструкции. Присутствует семантика косвенной эвиденциальности (пересказывательности). *Однако ж после некоторого молчания я ему сказал, что если*

отец станет ее требовать, то надо будет отдать (М. Лермонтов. Герой нашего времени). Авторизируемая модель занимает позицию придаточной части сложноподчиненного предложения, реализуя семантику косвенной эвиденциальности (пересказывательности). Она глядела на него так сознательно, с такой уверенностью, так, **по-видимому**, владела своею мыслью (И. Гончаров. Обломов). Сочетая два субъектных плана в авторизованной конструкции, говорящий выражает свое отношение, дает свою оценку действию авторизирующего субъекта. Таким образом, генерируется семантика косвенной эвиденциальности (инференциальности).

Помимо связи с категорией авторизации, через ее посредство, эвиденциальность обнаруживает тесную связь с персуазивностью. Эта связь мотивирована тем, что разные способы получения информации по-разному воспринимаются по отношению к их надежности, поэтому «авторизационные показатели часто являются одновременно показателями отрицательной персуазивности» [Шмелева Т.В. 1984: 92]. Персуазивность – это квалификация информации с точки зрения степени ее достоверности, которая проявляется в оппозиции «достоверно/недостоверно». Эвиденциальные единицы соотносятся с персуазивностью, так как они являются выразителями коммуникативной стратегии, усиливающей или сокращающей истинностную силу высказываний.

Так, например, в высказывании с выделяемой прямой эвиденциальностью может намеренно указываться достоверность сообщаемой информации в случае, если говорящий хочет подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие: *И уж это наверно так; уж поверьте, что я не ошибаюсь. Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, только я ему помешал, и он теперь все ждет, когда я уйду* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание). Данная область значений соответствует положению на модальной шкале степеней достоверности на полюсе «категорическая достоверность».

Средства выражения косвенной эвиденциальности, включая все ее семантические подтипы (пересказывательность, инференциальность, перцептуальность), включаются в смысловое пространство проблематической достоверности:

1) в высказывании содержится указание на косвенный источник информации, в достоверности которого говорящий, как правило, не уверен. А потому он вводит в выска-

зывание показатель косвенной эвиденциальности, как бы снимая с себя ответственность за достоверность сообщаемой им информации:

К тому же замкнутый образ жизни Лонгрена освободил теперь истерический язык сплетни; про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, оттого, мол, его больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и нелюдим, потому что “терзается угрызениями преступной совести”. (А. Грин. Алые паруса) – пересказывательность; *Мы, кажется, говорили о цветах, а не о звуках, Эдвин!* (А. Бестужев-Марлинский. Ревельский турнир) – инференциальность; *В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех* (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки) – перцептуальность;

2) говорящий может квалифицировать высказывание как недостоверное, используя некоторые средства выражения косвенной эвиденциальности, например, частицы (*якобы, мол, дескать, де*): *Сам он почитал себя человеком образованным, потому что одевался по-немецки и жил хотя грязенько, да открыто, знался с людьми богатыми – и в театр ездил, и протезировал каскадных актрис, с которыми изъяснялся на каком-то необычайном, якобы французском языке* (И. Тургенев. Ночь).

В ряде случаев эвиденциальность может «сотрудничать» и с оценочностью, выражая положительное или отрицательное отношение говорящего к пропозитивному содержанию: *– А спроси его! Не мужицкое дело, мол... Темен был, упрям. Всю жизнь я на него сердце держал.* (В. Шукшин. Беседы при ясной луне). В данном контексте автор, стремясь сохранить объективность в изложении информации, акцентирует внимание адресата на то, что он лишь передает чужую речь, при этом на фразу накладывается субъективное отношение говорящего – отрицательная оценка, выражающая оттенок несогласия. В то же время выражение оценочных значений в высказываниях с эвиденциальностью не является обязательным, так как в первую очередь говорящим преследуется цель указать на источник сообщения, а затем выразить свое отношение к сообщаемому факту.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) категория эвиденциальности является квалификативной модусной категорией, так как участвует в соотношении высказываемого с действительностью через фиксацию позиции говорящего, квалификацию им своей точки зрения; 2) эвиденциальные показатели в высказывании выступают инструментами субъективной квалификации, так как обогащают смысловое поле предложения субъективными характеристиками и выступают в роли семантически обязательных компонентов; 3) в семантической структуре высказывания эвиденциальность взаимодействует с квалификативными модусными категориями персуазивности, авторизации и оценочности. Взаимодействуя с категорией авторизации, она имеет с ней общие средства выражения, так как с помощью данных категорий передаваемая информация квалифицируется в отношении источников и способов ее получения. Связь с персуазивностью основывается на коммуникативной стратегии эвиденциальных показателей, усиливающей или сокращающей истинностную силу высказываний; средства выражения эвиденциальности включаются в пространство проблематической достоверности. Оценочность и эвиденциальность обнаруживают свою связь на основе выражения говорящим своего отрицательного или положительного отношения к содержанию эвиденциального высказывания.

Изучение модусной категории эвиденциальности имеет широкие перспективы для дальнейшего изучения в плане применения

полевого подхода к описанию всех семантических подтипов эвиденциальности, средства выражения которых образуют функционально-семантическое поле эвиденциальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 144-238.
3. Нагорный И.А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. – Барнаул, 2001.
4. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб., 2007. – С. 600-632.
5. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – С. 78-100.

M. Grigorenko

THE MODUS STATUS OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The article is devoted to the problem of evidentiality as a category of modus, we establish the role of evidential devices in the semantic structure of the sentence and the connection of this category with qualifying modus categories of persuasion, authorization and evaluation.

Key words: modus, evidentiality, persuasion, authorization, evaluation.

УДК 801.561

Дубовик Е.И.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС КАТЕГОРИИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В статье используется функционально-семантический подход к рассмотрению статуса категории целесообразности. Дается описание семантической структуры предложения со значением целесообразности, а также выявляется соотношение модальной квалификативной категории целесообразности с другими квалификативными категориями: необходимости, возможности, желательности, долженствования.

Ключевые слова: семантика, синтаксис, модальность, диктум, модус, целесообразность.

Являясь необходимо присущим элементом смысловой организации любого предложения, модальность на протяжении нескольких десятилетий служит объектом активного изучения, однако до сих пор не существует единого мнения ученых по вопросу о статусе категории модальности и ее средств выражения. В лингвистике все еще имеются «белые

* © Дубовик Е.И.